

6. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 11. С. 76.
7. РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 31834. Л. 212.
8. Апушкин В. А., Мищенко П. И. Из воспоминаний о русско-японской войне. СПб., 1908. С. 20–30.
9. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20. Л. 2.
10. Апушкин В. А., Мищенко П. И. Указ. соч. С. 29.
11. Аничков Д. И. // Байкал. № 48.
12. Апушкин В. А. Указ. соч. С. 36.
13. РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 803. Л. 5.
14. Краснов П. А. Год войны: 14 месяцев на войне. СПб., 1905. Т. 1. С. 26.

АФАНАСОВ О. В.

КУЛЬТБРИГАДЫ В «КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ» РАБОТЕ СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОЗЕРНОГО ЛАГЕРЯ

В 1949 г., когда происходило формирование особого лагеря № 7 МВД СССР «Озерный», создавалась его организационная и материально-техническая база, в истории лагеря произошло, быть может, неприметное с точки зрения официальных властей событие, повлиявшее на сознание людей, оказавшихся волею судьбы в застенках Озерлага. На некоторых крупных лагерных пунктах особлага № 7, в частности на Центральном авторемонтном заводе (ЦАРМЗ) г. Тайшета (лагпункт № 048) и Центральной лагерной больнице № 1 (лагпункт № 02), при культурно-воспитательных частях в 1949 г. были созданы культбригады, члены которых, в большинстве своем профессиональные артисты и музыканты, проводили концерты художественной самодеятельности, ставили спектакли и оперетты.

Особо следует отметить культбригаду, существовавшую на лагерном пункте № 048 вблизи Тайшета. Для ее формирования инспектор Культурно-воспитательного отдела (КВО) Озерлага Скрыгин специально ездил по лагерным подразделениям, раскиданным вдоль железнодорожной трассы Тайшет – Братск, и набирал лучших актеров, музыкальных исполнителей, танцоров и певцов, что говорило о значимости данного мероприятия для лагерной администрации: впоследствии концерты творческого коллектива посещали высшие лагерные чины во главе с начальником управления полковником С. К. Евстигнеевым.

В результате специального отбора в цармзовскую культбригаду попали настоящие виртуозы своего дела. «Все это были актеры Киевской оперы, Днепропетровского театра, Одесской оперетты, – вспоминал узник Озерлага Е. А. Рудаковский, работавший на 048-й колонне старшим бухгалтером. – Солистка Леренс и меццо-сопрано Спендиарова, дочь знаменитого классика армянской оперы. Контр-альто Курулянец – артистка Ростовского театра. Попов, Клецкий – актеры Николаевской оперетты. Москвичи Колосов, Кулик, Алферов, Сергеева, Машикова. Целая группа симфонических музыкантов из Прибалтики во главе с дирижером Кантутисом. Наконец, композитор Хайт, чье “Все выше и выше” гремело по стране»¹.

Пианистка этой культбригады, Т. А. Барышникова (Перепелицына), вспоминала и других участников творческой группы, в том числе солистку Большого театра, блестящую пианистку Л. А. Бакину, актера Рязанского ТЮЗа И. И. Флерова, москвича Азерского, занимавшегося режиссерской работой. Упоминала и прекрасных танцоров – Евгения Алексева, Александра Кравцова, Петра Рябых-Рябовского, Тамилу Мартынову – солистку балета Одесской оперы, талантливую танцовщицу из Эстонии Асту Лекстейн, украинского балетмейстера Пуставойтенко. «Но самым интересным и внушительным в культбригаде на ЦАРМЗе, – по словам автора, – был оркестр. Возглавлял его Вячеслав Петрович Кантутис. Подобралась очень сильная профессиональная команда... Скрипачи: Дмитрий Хорунжий; австриец Петр Вучковский... виолончелисты: Виталий Барышников, мой муж, и Рейга, эстонец, был очень хороший трубач Павел Долматов, прекрасный кларнетист Александр Булатов и флейтист Евгений Гриневич... был хороший тромбонист и трубист, эстонцы, был молоденький мальчик Иозик Сушко, или Юзик, как мы все его звали, баянист, очень талантливый мальчик. А я была пианисткой. Первой скрипкой был Сариев, профессиональный скрипач... Позже к нам приехала Надежда Самуиловна Кравец, выпускница Московской консерватории. Естественно, она стала первой скрипкой нашего оркестра. Кантутис был великолепный оркестровщик и аранжировщик. Из этого малого симфонического состава он извлекал божественные звуки путем очень грамотной и искусной аранжировки»².

На цармзовских «подмостках» исполнялись оперетты Кальмана («Сильва», «Марица», «Баядера») и Легара («Веселая вдова»),

сцена письма Татьяны из оперы «Евгений Онегин», отрывки из некоторых пьес («Укрощение строптивой» и др.)³. «В основном делали концертные программы, но колоссальные, театрализованные, по два-три часа, – писала Т. Н. Барышникова, – они шли как единое представление. В программы включались и большие отрывки из драматических спектаклей, из опер... Приходилось, конечно, в этих условиях делать все: и танцевать, и произносить какой-то драматический текст. Иногда я выходила танцевать, в каких-то плясках участвовать»⁴.

Слушателями и зрителями концертных выступлений были не только представители лагерного управления, охраны и надзирательского состава, но и вольнонаемные работники ЦАРМЗа и, конечно, многочисленная аудитория заключенных лагерного пункта № 048⁵.

Настоящим событием в жизни культбригады и всего Озерлага стало прибытие в лагерь Лидии Андреевны Руслановой, осужденной по ложному обвинению вместе со своим мужем генерал-лейтенантом В. В. Крюковым. Ее недолгое пребывание в творческом коллективе оставило яркое впечатление у всего «населения» лагпункта № 048. О своей встрече с «жемчужиной русской песни» Т. Н. Барышникова рассказывала: «Бог меня простит, но я не была особой поклонницей этого жанра. Я редко слышала ее в концертах... Но то, что я увидела в лагере, сделало меня самой горячей, самой искренней ее поклонницей. Это был мастер в самом высоком значении этого слова. Удивительной красоты и тембра голос, поразительная способность к перевоплощению. Она играла каждую песню, проживала каждую песню на сцене... Она не была страдающей, растерзанной, раздавленной. Нет, она держалась с мужеством и достоинством, которое в ней просто поражало, потому что эта была звезда»⁶.

Особенно запечатлелось в памяти мемуаристов первое выступление певицы в Озерлаге. «И вот первый концерт с участием Л. Руслановой, – писал ее аккомпаниатор И. Ф. Сушко. – Ее выступление было в конце второго отделения. Зал гремит овациями. Лидия Андреевна вышла на сцену, трижды поклонилась и долго стояла молча, потом заговорила: "Дорогие мои, злая наша доля, но я рада, что в этой беде смогу вам петь и облегчить нашу участь. Не аплодируйте мне много, потому что я буду петь столько, сколько у меня будет сил, а у вас терпения меня слушать"»⁷. Об

этом событии вспоминал и Е. А. Рудаковский: «Многие из нас впервые слушали Русланову. Всех она очаровала, все были влюблены в ее голос, в ее русскую удаль, каждая песня вызывала гром оваций. А когда в заключении она спела свои “коронные” “Валенки”, то восторг и ликование не поддаются описанию. По окончании концерта мы унесли ее на руках в барак под окрики начальства»⁸.

В суровых лагерных условиях немногочисленные концерты и спектакли коллективов художественной самодеятельности были для заключенных истинным праздником, давали возможность на время отрешиться от повседневных забот и окунуться в атмосферу прежней вольной жизни. В них «...ощущалось робкое, едва заметное, но все же дыхание свободы, а тосковали по ней не только каторжники, но подсознательно и их тюремщики»⁹.

Разумеется, участники культбригады находились в более привилегированном положении по сравнению с другими лагерниками. Они «...освобождались от ненавистной общей работы, им разрешалось носить на голове волосы», чем они «необычайно дорожили», – писал бывший узник Озерлага Д. А. Быстролетов¹⁰. О том же говорилось и в воспоминаниях Е. А. Рудаковского: «...все актеры были обеспечены диетическим питанием... относительным вниманием, поблажками режима»¹¹. Все это «...может быть, даст повод бросить в них камень», – рассуждала Т. Н. Барышникова. Но, предвосхищая возможные упреки в конформизме, далее утверждала: «...благодаря искусству мы не только сами поднимались немножко над страшным лагерным бытом, но помогали и другим хоть на несколько минут, хоть на какие-то мгновения забыть о том ужасе, который нас окружал. Мне кажется, это было очень важно»¹². С этими словами автора трудно не согласиться.

Однако деятельность культбригад в деле культурного просвещения заключенных по-иному воспринималась лагерным руководством, которое усмотрело в работе творческих коллективов заключенных потенциальную опасность для лагерного режима. Так, выступая на собрании партийного актива Озерлага (25–26 февраля 1950 г.), заместитель начальника отдела МГБ Ципелев отмечал: «Враги используют в ряде случаев культурно-воспитательную работу для того, чтобы протащить на сцену и в быту свои вражеские проявления»¹³. В том же 1950 г. лагерные культбригады прекратили свою деятельность и были расформированы.

Упразднение творческих групп заключенных в Озерлаг укладывалось в общее направление «культурно-воспитательной» работы с узниками особлагов. Так, в выступлении начальника КВО Озерного лагеря Бальшева на собрании партийно-хозяйственного актива (23 апреля 1951 г.) сообщалось: «Министерством внутренних дел разработана инструкция о культурно-воспитательной работе с особым контингентом. Начальник ГУЛАГа требует, чтобы эта инструкция выполнялась и проводилась в жизнь. Основной задачей является укрепление режима и дисциплины... Есть изменения в культурно-воспитательной работе, как-то: запрещение радиопередач, художественной самодеятельности, наглядной агитации. Основным остается – обеспечение режима, внутрилагерного порядка, выполнение производственного плана»¹⁴.

В том же 1951 г. в Озерлаг был создан Отдел режима и оперативной работы, главными функциями которого являлись: охрана и изоляция заключенных, обеспечение порядка в лагерных пунктах, подавление групповых выступлений заключенных, пресечение попыток к побегу и розыск бежавших узников¹⁵. Кроме того, как следует из партийных материалов особого лагеря № 7, «по воле тюремного управления МВД культурно-воспитательный отдел лагеря» был «упразднен и преобразован в отделение отдела режима»¹⁶.

Таким образом, основными задачами идеологического воздействия на заключенных Озерного лагеря в период сталинского правления являлось обеспечение особого лагерного режима и выполнение производственных планов. «Культурно-воспитательной» работе в этом процессе отводилась второстепенная роль. Лагерная администрация особо не стремилась перевоспитывать осужденных за «контрреволюционные» преступления, а тем более заниматься их культурным просвещением. В результате чего, к началу 1950-х гг. в особлаге № 7 была свернута работа культбригад и запрещены все виды художественной самодеятельности на лагерных пунктах «особого контингента».

Примечания

1. Озерлаг: как это было / сост. Л. С. Мухин. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. С. 144.

2. Там же. С. 181.

3. Там же. С. 145, 181, 193.

4. Там же. С. 181.

5. Там же. С. 145.

6. Там же. С. 183.
7. Слово. Усолье-Сибирское, 1994. 20 дек.
8. Озерлаг: как это было. С. 148.
9. Театр ГУЛАГа / сост. М. М. Кораллов. М. : Мемориал, 1995. С. 14.
10. *Быстролетов Д. А.* Записки из живого дома // Кодры. Молдавия литературная. 1990. № 10. С. 38.
11. Озерлаг: как это было. С. 144.
12. Там же. С. 172.
13. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.
14. Там же. Д. 62. Л. 22.
15. Там же. Д. 155. Л. 66.
16. Там же. Д. 280. Л. 5.

АФАНАСОВА Е. Н.

ТИПОЛОГИЯ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ 1920–1930-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

При изучении политики сокращения и ликвидации детской беспризорности важным является вопрос их типологии. В качестве основного и наиболее распространенного учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей, выступал детский дом. В изучаемый период существовало несколько типов детских домов: нормальные детские дома, для физически дефективных и для морально дефективных детей.

В детские дома принимали детей в возрасте от 4 до 14 лет, в большинстве случаев круглых сирот. Детские дома нормального типа делились на дошкольные, в которые размещали детей от 3 до 7 лет, и школьные, в которых проживали дети от 8 до 15 лет включительно. В дошкольные детские дома дети поступали по достижению ими трехлетнего возраста из домов младенца, которые находились в ведомстве отделов здравоохранения, из приемников и из семьи по путевкам отдела народного образования. Массовым типом дошкольного детского дома являлся трехкомплектный детский дом на 75 человек, в котором дети группировались по возрастному признаку на три группы: младшую (3–4 года), среднюю (4–5 лет), старшую (5–6 лет).

В соответствии с Положением о детском доме нормального типа от 1935 г., при наличии благоприятных жилищных условий и подготовленности персонала детский дом мог комплектоваться